

О творчестве Аллы Горбуновой хорошо сказал питерский поэт Дмитрий Григорьев: «Она не чужда всей мировой культуре, но при этом её стихотворения далеки от постмодернистских игр, в основе её творчества – внутреннее переживание, взрывающее пласты культуры изнутри, это “заговаривающаяся речь на последнем пределе”». Есть два способа чтения такой речи. Первый – способ исследователя – требует обложиться умными книгами, искать аллюзии, параллели, думать о том «что хотел сказать автор данной метафорой». А второй – просто наблюдать в открытую тебе замочную скважину картинку неизвестного и порою непонятного, но завораживающего мира.

Д. Л.

* * *

раненый камень, ты слышишь, красавица Змрок
раненый камень в зарослях папоротника
его сердце – ножны меча
лошадиное ухо ночи, красавица Змрок,
слышит, как кости его бормочут,
оленьи рога, ты видишь, красавица Змрок
мёртвый олень ходит по лесу, растёрзанный ворон в снегу
посмотри на меня, красавица Змрок,
круглыми, оранжевыми глазами совы
я видел твою руку, испачканную землёй
и как ты летела на фоне заходящего солнца, на исходе лета

я бежал волком и старое солнце уже касалось земли
в тёплые дни ты пила нектар осенних цветов
жёлтыми осенними листьями я закрывал лицо
когда покрытый волосами щит летел в звёздном небе
и не мёртвые, не живые крались шаги
красавица Змрок, ромашки на голубых полях
друг твой паук сплёл паутину тебе
красавица Змрок, укрывались мы от дождя
под подберёзовиком, и мёртвый олень нёс солнце в своих рогах
когда я был волком, снег забрал у меня лицо
когда я был мертвецом, я лежал в лодке у скал
крестьянин вздыхал обо мне и рогатый бог
меня отпевал, очами своих деревьев
лес на меня смотрел, красавица Змрок,
ты снег в подоле несла с бубном в птичьих когтях
ты ветви протягивала темноте, и цветы росли изо рта
твоя голова торчит из середины пня
вереск в твоих волосах, лютая злоба в глазах, красавица Змрок

* * *

кричит камень, на рукоятке блики,
цветы на поляне из черепов оленьих,
которым шептала ведьма
с венком из осенних листьев и ягод на волосах.
бабочка у слабого огонька перед смертью бездушной зимой!
самый сладкий нектар, самый холодный свет,
за голыми стволами дымится старый вулкан.
олениха, дети твои приникли ушами к тьме,
там, где мёртвый спит в лодке, насажено солнце, как круглый медяк,
на вершину скалы. он сотворил этот мир просто так, играя. стражи горы
ночью обходят курумник, их можно видеть насквозь,
круглые, горят их глаза, они растворяются после обхода.
светает. сырая энергия застывает, становится явью.
чёрная, покрывается льдом вода.

ГДЕ ТЫ

где ты сейчас с какого сошел перрона или парома
на дороге без нас кого ты встретил, нашёл вдали от дома
через двери и дебри мимо благих и гневных, где-то куда-то

на долгой дороге внутри сердца, зарытого в землю, взятого в небо
через море заката

* * *

записывая птичьи голоса
те голоса на линии бессонной
которыми щебечут небеса
на ленте старенькой магнитофонной

он шёл по шведским утренним лесам
и птицы пели весело и звонко
но разве это птичьи голоса
услышал он, прокручивая плёнку

трескучую, в шумах, среди помех
чей это голос милый, голос тонкий
чей это плач? чей это дальний смех
как будто заблудившийся в потёмках

кто эти птицы в райских небесах
передающие привет потомкам
чьи странные чужие голоса
он записал нечаянно на плёнку

по имени, что знала только мать
тот голос в птичьем щебете зовущий
и медленно он начал понимать
кого он записал в тех райских куцах

теперь они без умолку трендят
и пишет он кассету за кассетой
что мёртвые не тлеют не горят
о том читайте в утренних газетах

что мёртвые не зреют не гниют
а лишь летают над землёй зелёной
и в уши бесконечно нам поют
по радио и в провод телефонный

о том, что не стареют, не скорбят
и близким шлют посланья и приветы

все эти плёнки старые скрипят
вращаются колёсики в кассетах

записывая птичьи голоса
те голоса на линии бессонной
которыми щебечут небеса
на ленте старенькой магнитофонной

НА БЕРЕГУ МОРЯ Я ПОВСТРЕЧАЛА СТРАННОЕ СУЩЕСТВО,
ПОХОЖЕЕ ОДНОВРЕМЕННО НА ТОЩЕГО СТАРИКА И НА
СТРЕКОЗУ
С БОЛЬШИМИ ЧЕЛЮСТЯМИ,
ОНО ХОДИЛО ПО БЕРЕГУ И ПЕЛО:

С тех пор, как мать отлучила меня от груди, меня мучает голод.
Никакая пища мне не подходит.
Вот люди: они едят что-то простое и пьют что-то сладкое. Оладьи. Мёд.
Кисель.
Они приглашают меня разделить с ними трапезу, но я не могу.
От голода стал я так мал, что мне в пору спрятаться в песке, и я сделал
себе маленькую пещерку
и остался в ней, как личинка муравьиного льва.
Зарывшись в песок, я выставляю наружу челюсти, поджидая мнимую
добычу, и только заклинание
способно выманить меня из норы в такие минуты.
Ни лев, ни муравей, я обречён на голодную смерть:
ни плоть, ни растения не могут утолить мой голод.
Голодный, хожу я по берегу моря и вижу, как рождаются корабли.
В колыбели морской качаются их остовы, обрастают мачтами, парусами
и, наконец, завершённые, они уплывают.
Я помню, каким было молоко моей матери: тихим, как полдник в поле,
и дни, когда я пил его, незапамятны.
С тех пор, как мать отлучила меня от груди, меня мучает голод,
и даже море не может утешить меня.

* * *

начали воскрешать мёртвых
и после этого спрашивали: что вам снилось?
– чистил картошку, – ответил старик, бывший мёртвым тридцать лет
– мыла голову под душем, – ответила женщина, бывшая мёртвой три

года
и другие отвечали в том же духе —
какие-то бытовые, ничего не значащие обрывки
которые они припоминали с трудом
все они думали поначалу, что проснулись от обычного сна
спрашивающие были разочарованы:
они хотели узнать от них что-то о смерти, о том, что там
впрочем, они ведь и узнали
им всё сказали

* * *

в клумбах у дома
войлок цветочный:
валенки трав и жёлтые бутоны, листья
пахнут, как сонные сборы:
ромашка, пустырник,
безымянные травки сорные,
безъязыкие, осени детки приёмные,
пахнут потерянным летом,
старческой затхлостью, нежностью,
корпуса машин в жёлтых листьях
этажи, и прохожих шаги, матюги,
сигаретки их тлеют, где-то в люках задранных
глубоко слышен шум воды;
где-то гогочет шпана, занавески
задёрнуты в окнах, только горшки
на подоконниках — признаки жизни,
да кот одинокий, бредущий вдоль края земли;
засыхает шиповник, и люди здесь бедно живут,
работают допоздна, а в субботу пьяны;
злы их собаки с тремя головами и рвутся
с поводка, лгут телевизоры их о ядерном рае,
пока позёмкой берёзовой листья вьются у края земли,
каркает ворона, как оплакивая изгнание,
мяукает кот, как проснувшийся в вечной ночи,
здесь моё место,
здесь буду губами ловить пар из люков струящийся
утром под колкими звёздами

Вот лютый зверь словообраз
Вернее словообраз
Друг капибары и бобра
А вот его нора

Смотри смотри в его глаза
Круглы его глаза
В них проплывают мира за
Слова и образа

Лови лови его в ночи
Иди его тропой
Как следопыт его ищи
И песню ему спой

Вот он идёт на водопой
Вот он грызёт кору
Иди иди его тропой
И ты найдёшь нору

И ты найдёшь его иглу
И ты найдёшь его в углу
В углу его норы
Где вертятся миры

И он в тебя метнёт сто игл
Подобно сотне стрел
Вот ты его настиг настиг
Того ли ты хотел

Отпрыгнул раненый, как тигр
Тебе не вынуть сотню игл
Беги беги назад

Был путь твой обречён и гибл
Но на конце у этих игл
Слова и образа

Добыл добыл добыл добыл
Великий следопыт
Так много слов так много игл
И кровь и пот и стыд

Кротиху-ночь клубок луны
И насекомых звёзд
И луковицы тишины
И для енота хвост

Ты хвост енота хвост сурка
Ондатра нутрия река
Слова плывут как облака
И образы со дна

Клубись клубись луна луна
И образы, и имена
Запомнят наши племена
На вечные века

НА ОГНЕННОЙ РЕКЕ (английская песенка)

В огне нетварном Билл и Джим
Их нерушим союз
Вот только Билл горит в аду
А Джим живёт в раю

И весь в божественном огне
Ликующий душой
Джим Биллу весело твердит
О как нам хорошо!

И весь истлевший в порошок
В божественном огне
Билл Джиму горько говорит
О как херово мне!

Их разделяет лишь одно
Но это пустяки
Джим и Билл два берега
У одной реки

ВЕЧНАЯ НОЧЬ

Она была всегда и будет всегда.
Все спят и всегда будут спать.
И вдруг кто-то один проснулся.

А вокруг вечная ночь.
А он случайно,
бессмысленно,
по какой-то ошибке
проснулся.

* * *

я несу мешок, из него торчат
заячьи уши, куда несёшь
бабка старая спросит, тебе-то что
отвечаю себе под нос

хнычет мешок: дай мне, мать, морквы
и неси меня до самой Москвы
хóчу пить и есть, в кабаках гулять
на пухóвой перине спать

кожей дорога гуськом на ветру
брошу я, брошу мешок поутру
хнычет мешок: не хочу я в поля
а хочу в ворота Кремля

донеси меня и оставь в Кремле
а сама умри во сырой земле
и лежи, собою кормя траву
но меня вначале снеси в Москву

ОБРАТНЫЙ СНЕГ В РЕУТОВЕ

снег идёт вверх –
словно его несёт восходящий поток
шумовые щиты не дают поездам
своим гулом тревожить сугробы
так и бредёшь меж заборами строек туда

где недостроенный огорожен каток
и растёт по чуть-чуть с каждым годом как этот город
будущая поликлиника и дома-муравейники
растут младенцы и высаженные сосны
растут фонари и праздничная подсветка
вот электричка идёт в Петушки на восток
в маленьком парке огромная ёлка горит
её сёстры живые на ёлочных мёрзнут базарах
как на невольничьих рынках у них связаны ветки
и одна другой говорит: отчего это снег падает вверх?
гляди, гляди – вот он поднимается с самого льда,
с узких скользких тротуаров – всё выше, к крышам домов
и подруга, за шесть косарей ёлка из Дании,
ей отвечает: это мир начал восхождение хрен-знает-куда
он больше не стоит на незыблемом основании своей веры
в закон тяготения и страдания
снег больше не падает с неба, а падает в небо
скоро в небо упадут эти высотные здания
они в пропасть сорвутся не убоясь пустоты
испепеляющего света, гнева
они падают в пропасть, в которой сады, падают вверх – в небо
где смерть станет светом, где я и ты
снова пустим корни в самые облака
так говорили ёлки под вечер на улице нашего городка
под восходящим снегом